

Действующие лица

АЛЯ, растрепанные волосы,
пижама, выглядит младше других.
НСЮХА-ГОТ, темные волосы, мрач-
ное выражение лица, пирсинг —
нос, бровь, губа.

ГАРРИ ПОТТЕР, короткая стрижка,
круглые очки.

НАЛЯНИНА, чуть полнее других,
квадратные очки

(живут в одной палате, всем
по пятнадцать лет).

МАМА.

БАБУШКА.

МЕДСЕСТРА.

ПАПА.

ТЕТЯ.

МАМА КРИСТИНЫ.

УЧИТЕЛЬНИЦА.

ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА.

ДВЕ ДЕВОЧНИ, могут выглядеть
как угодно.

Палата в старом советском сана-
тории. Четыре кровати и тумбочки.
Шнаф. На кроватях НСЮХА-ГОТ,
НАЛЯНИНА, ГАРРИ ПОТТЕР, АЛЯ.
Все притворяются, что спят, но
на самом деле каждый занят сво-
им делом. Слева от сцены — стол
и стул. На крайней у окна кроват-
ти сидит АЛЯ в пижаме и что-то
пишет.

Аля (*пишет*). Дорогой дневник, сегодня
последний день зимы. Эта неделя
здесь меня окончательно добила.
Перед тем как запихнуть меня
сюда, мама сказала, что я асоци-
альна и...

Медсестра (*входит в палату*). Опять ты? Давай
показывай, что там у тебя.

Аля. Ничего.

Медсестра. Я все видела. Доставай.

Аля (*отдает тетрадку*). Ладно.

Медсестра. Это не то. (*Выхватывает из-под
одеяла дневник.*)

Аля. Отдайте!

Медсестра (*ставит стул посередине. Садится.
Листает дневник*). Я теперь здесь
буду сидеть, пока вы все не заткне-

тень и не уснете. Плееры, телефоны, дневники. Как же вы меня достали! *(Але.)* Я сказала, глаза закрой!

Аля. А они у меня днем не закрываются.

Медсестра. Я сейчас сама тебе их закрою!

Спать, я сказала! *(Некоторое время сидит.)* Так, я буду за дверью. Если кто-нибудь хотя бы пикнет – будете в моем кабинете стоять до ужина. *(Уходит.)*

Аля *(шепотом)*. Спите?

Нсюха-гот. Да, конечно. Жарко, и эти кровати еще скрипучие. Им, наверное, лет сто.

Аля. Эй, Гарри Поттер? Что делаешь? *(Одна из девочек, лежащих на кровати, приподнимается.)*

Гарри Поттер *(вздыхая)*. Считаю. Мы уже две недели здесь торчим. *(Показывает карманный календарь.)* Две недели в дурдоме. Поздравляю нас всех с этим.

Нсюха-гот *(в потолок)*. Давайте лучше звать это зоной. Так прикольное.

Аля. Интересно, они вообще догадываются, что нам уже не десять лет, чтобы заставлять нас спать?

Нсюха-гот. Походу, не очень. Мы здесь все равно самые старшие. Как же я хочу домой играть в комп.

Гарри Поттер. А я хочу домой, потому что там нормальная еда, а не каша-сопли.

Аля. А я вообще не хочу домой.

Гарри Поттер. Почему?

Аля. Потому что я не понимаю, как можно хотеть к тем, кто тебе все время говорит, что можно, а что нельзя. Ненавижу взрослых.

Гарри Поттер. А я, наоборот, хочу стать взрослой. Если бы я была взрослой, меня бы сюда не отправили. То есть я сейчас себя считаю уже практически взрослой.

Медсестра *(входит)*. Так, не поняла, кажется, я слышу чьи-то разговоры!

Аля *(тихо)*. Галина Юрьевна, ну отдайте, пожалуйста, дневник. Я больше не буду. Правда.

Медсестра. Ой, знаю я все эти ваши обещания. Потом отдам. Кстати, за тобой после тихого часа приедут. Вот тогда и отдам.

Аля. Кто приедет?

Медсестра. Мама.

Аля. Нет, только не это!

Медсестра. А я буду рада, если тебя заберут, Маликова, ведешь ты себя отвратительно. Вчера ночью прыгала по кроватям перед отбоем. Даже мальчики снизу пришли. Так, всем спать! *(Уходит.)*

Аля *(забирается с головой под одеяло)*. Какой кошмар...

Гарри Поттер. Не знаю, я бы на твоём месте радовалась.

Нсюха-гот. Ага, за мной бы никто вот так не приехал из моей дыры.

Гарри Поттер. И из моей.

Аля. Да вы не понимаете! Я не хочу уезжать. *(Вздыхает.)* Слушайте, мне нужно где-то спрятаться.

Гарри Поттер. Где?

Аля. Я не знаю, где-то здесь, в туалете, может быть? Туда вообще никто не заходит.

Гарри Поттер *(фыркает)*. Вот поэтому ты там и минуты не просидишь. Его моют раз в неделю. А еще он рядом с медсестрой. Мимо нее не пройдешь.

Нсюха-гот. Слушай, а зачем тебе прятаться? Ты правда не хочешь домой?

Аля *(садится)*. Ну да, в общем, понимаю... Я в детстве была гадиной. Порядочной гадиной. Гадиной – потому что любила делать всякие гадости, как мне говорили взрослые, а порядочной – потому что делала их от души. Бабушка всегда говорила...

Бабушка *(появляется на сцене)*. Вот! Опять ты придуриваешься? Провокатор!

Аля. Почему придуриваюсь и почему провокатор?

Бабушка. Неважно, ты наказана! У нас девка – дура растёт, посмотрите! Посуду нормально помыть не может – это раз, тарелку разбила – это два! Безмозглая белоручка! Ходит вся в себе – никого не слышит, о своём только думает. Соседям тебя показывать стыдно. Лодырь, вот кто ты! *(Уходит.)*

Аля. Наказание я воспринимала как что-то само собой разумеющееся. Любое – кроме молчания. Углы мне

были не страшны, и я даже могла вытерпеть ремень, но только не молчание. Дело в том, до трех лет я совсем ничего не говорила, а потом решила высказаться. А высказывалась я без остановки. Самое страшное наказание в моей жизни придумала моя тетя-филолог, когда я в очередной раз мешала ей читать умную книжку и без конца болтала.

Выходит ТЕТЯ с книгой, садится за стол.

Профессия у тети была, судя по названию, какая-то жуткая: мне казалось, что филолог – это какой-то злобный врач, который считает, что все, что ты говоришь – очень глупо. Поэтому тетя старалась не допустить, чтобы из моего рта вылетали всякие глупости.

Тетя. Если ты сейчас не замолчишь, я тебе рот скотчем заклею.

Аля. Это показалось мне забавным, и я сказала ей: «Давай».

Тетя. Ты это специально? Вот я сейчас пойду и правда заклею тебе рот!

Аля. Тут она не выдержала и пошла на кухню. Когда я увидела, как она щелкнула ножницами, мне стало жутко, но я не шелохнулась.

Гарри Поттер. Она реально тебе его заклеила, что ли?

ТЕТЯ отрезает внушительный кусок скотча и заклеивает АЛЕ рот.

Тетя. Чего ты смеешься? Я разве что-то смешное сказала?

Аля (*неразборчиво*). Нет, это просто несерьезно, а надо делать вид, что серьезно, а я не умею делать вид.

Тетя. Ремня бы тебе вспапать по-хорошему. (*Отсаживается в сторону, читает книгу.*)

Аля (*через скотч*). Ну как, меня слышно?

Нсюха-гот. Ага. Почти.

Тетя. Не знаю, я тебя не слышу! (*Уходит.*)

АЛЯ снимает скотч с лица.

Аля. Меня никто никогда не слышал. Знаете, почему я не хочу взрослеть? Потому что взрослые никогда никого не слушают и никогда ничего не объясняют.

Нсюха-гот. Иногда мне кажется, что они просто сами ни в чем не разбираются.

Аля. Но между собой всегда делают вид, что очень умные. Вот когда я ходила с бабушкой на рынок, она каждые десять шагов встречала на пути своих подружек и разговаривала с ними. И все эти разговоры мне казались очень странными.

Бабушка (*выходит*). Здравствуйте, Тамара Львовна! А как поживает Раиса Ивановна? А муж? Да он же просто алкоголик! Запойный причем! А Людмила Петровна говорит, что он у ее теши пенсию украл. Да это же немыслимо! Вот у нас есть сосед – Мишка Карпов – ну, вы его знаете, тот, который еще в сельсовете работал электриком. Так вот, он говорит, что видел, как тот, другой, – правда уже, не муж Раисы Ивановны, а первый ее, бывший муж, продавал бревна! Он там у нас на Колхозной купил себе участок, старый дом и живет совсем один, представляете? Траву не косит – я ни разу не видела, чтобы он вообще даже картошку сажал. Так и сгниет там. Это помните, был случай за сельсоветом, мужика нашли в пустом доме? Развелся с женой за год до этого, запил и умер. Нашли по запаху... А я что? А я вот вся в делах, заботах, встаю в шесть утра каждый день и иду на огород. С внучкой вот идем на рынок.

Аля (*теребит бабушку за руку*). Бабушка, может, мы уже пойдем?

Бабушка. Подожди, не видишь, ВЗРОСЛЫЕ разговаривают? Не перебивай!

Аля. В общем, добрались мы до рынка только через час. Рынок был маленький, там мы могли купить рейтузы и всякие другие вещи, но почему-то почти никогда ничего не покупали. Только смотрели. Бабушка всех знала на рынке. Там

ее подружек было сразу человек двадцать. Иногда мы что-то мерили.

Бабушка (*кладет картонку*). Так, вставай на картонку. Давай.

Аля. Бабушка, я не хочу тут переодеться.

Бабушка. Да никто не смотрит! Всем все равно, кому ты нужна?

Аля (*натягивает рейтузы*). Вот эта фраза меня всегда особенно убивала! Потому что получается, что раз никто не смотрит, значит, ты и правда никому не нужен.

Нсюха-гот. Да у меня в поселке было то же самое! И мама еще говорила: «Ксюша, ну что ты выпендриваешься, никто же не смотрит».

Аля (*чешется*). Я не хочу эти штаны – они колются, и все чешется!

Бабушка. Отличные рейтузы. Стопроцентная натуральная шерсть! Твоя подружка Оля с третьего этажа так ходит. (*Уходит.*)

Аля. Но мне-то они зачем? (*Снимает рейтузы.*) Я не хочу быть как Оля! А конец рынка я просто ненавидела. Когда мы проходили мимо, у меня к горлу подступала тошнота. Там на прилавке лежала голова свинки с выколотыми глазами, а рядом копыта, уши и язык. И все это отдельно друг от друга.

Гарри Поттер. Фу, можешь не продолжать!

Нсюха-гот. А я люблю расчлененку. Твоя бабушка это покупала?

Аля. Нет, у нас был свой собственный... Рядом с нашим домом был сарай – такой страшный и покосившийся. Мы хранили в погребе картошку, но самое главное заключалось в том, что там жил Хрюша. Я очень любила Хрюшу. У него в домике было грязно и пахло довольно плохо, но сам он был чистенький и розовенький. Когда мы приходили к нему, он высовывал пяточок и радостно похрюкивал. Еще в сарае были огромные пауки и пахло сыростью. Я бы ни за что туда не ходила, если бы не Хрюша, потому что дома у нас животных не было. Бабушка не любила животных.

Бабушка (*из-за кулис*). Им здесь не место, все эти ваши кошки, собаки, попугаи – везде только гадят, дерут диваны, воняют по углам. Никаких животных в моем доме не будет. Никогда.

Аля (*грустно*). А я очень люблю животных. Сначала Хрюша был маленький, а потом подрос. К зиме, когда он стал совсем большим, мы почему-то перестали ходить в сарай. А на Новый год дедушка предложил мне попробовать какой-то «натуральный продукт».

НСЮХА-ГОТ начинает смеяться.

Аля. Да, я сначала подумала, что это мороженое. Только совсем не сладкое. Ну, и я спросила, что это такое.

Бабушка (*выходит, прищурившись*). А для чего, думаешь, мы Хрюшу кормим?

Аля (*с ужасом*). Это что, наш Хрюша?

Бабушка. Сначала мы его кормим, а потом он нас.

Аля (*кричит*). Вы убили Хрюшу, он был моим другом, а друзей я не ем!

Бабушка. Вот ненормальная! Тебя в психушку сдать надо! (*Уходит.*)

Аля. Потом мы еще несколько раз ходили в сарай, где я каждый раз ждала, что Хрюша высунет свой пяточок из домика и обнюхает мою ладонь. Но Хрюши не было. (*Замолкает.*)

Гарри Поттер. Что-то мне самой теперь перехотелось есть мясо. Я и так его не особо люблю.

Аля. Я тоже. А взрослым все равно, что есть. Но мама меня перестала заставлять.

Гарри Поттер. И как у тебя это получилось?

Появляется МАМА с тарелной в руках. АЛЯ садится за стол.

Аля. Как-то раз мама поставила передо мной тарелку с печенкой. Я выпила весь графин с водой и съела весь хлеб, но так и не смогла заставить себя ее съесть. Она все равно лезла наружу. Все во мне сопротивлялось. (*Обращается к маме.*) Мам, я больше не могу есть печенку. Можно я не буду?

Мама. Нет, пока все не съешь – из-за стола не выйдешь.

Гарри Поттер. Они все так говорят. Откуда они это берут? Может быть, их учат на курсах?

Нсюха-гот. Ага, курсы зомбаков.

Аля. В общем, после четырех часов мучений и бесконечных отправлений назад на кухню в моей голове созрел окончательный план. Он означал нарушение всех правил. Но также свободу от печенки. Дверца нашего шкафчика, за которой стояло мусорное ведро, громко скрипела, поэтому я решила спрятать печенку за холодильник. А утром достать и выкинуть. Я плохо представляла, как буду доставать ее холодной и склизкую потом. Но тогда все это было неважно. *(Сгребает печенку вилкой за кровать.)*

Гарри Поттер. Ну ты даешь. Я бы на такое не решилась.

Аля. Я все съела. *(Подходит к маме, показывает пустую тарелку.)*

Мама. Молодец, вот можешь же, когда хочешь, тогда иди и ложись спать. *(Ставит тарелку на стол.)*

АЛЯ возвращается на кровать.

Аля. Потом я укладывалась спать, и вдруг со мной стало твориться что-то жуткое. Поднялась температура, щеки запылали, а руки и ноги стали холодными. Меня трясло, как в лихорадке.

МАМА ставит ей градусник.

Мама *(трогает лоб)*. Да ты вся горячишь!

Аля. Я прижимала руки к сердцу, как будто там часовая бомба.

Мама. Аля, что с тобой такое? Я не понимаю.

АЛЯ молчит.

Аля. Понимаете, я видела, что мама действительно поверила, что я съела эту печенку. Я чувствовала себя как Том Сойер, который стоял под окнами у тети Поли живой и невредимый

и видел, как она его оплакивает, думая, что он утонул в Миссисипи.

Мама *(смотрит в градусник)*. Ровно 39! Это вообще что? Аля, если ты немедленно не объяснишь, в чем дело, то я вызываю скорую!

Аля *(вскакивает на кровати)*. Мама, а я печенку... не съела, я ее спрятала за холодильник! Вот. *(Садится на кровать.)* В ту же секунду после того, как я это сказала, мне стало легче.

МАМА идет за кровать, смотрит на печенку.

Оказалось, что это ложь причиняла мне такое нестерпимое страдание. Я молча ждала наказания. Но, к моему удивлению, ни суда, ни следствия не произошло.

МАМА накрывает АЛЮ одеялом.

Мама. Я никогда больше не буду заставлять тебя есть печенку.

Аля. Правда? Никогда-никогда?

Мама. Честное слово.

Аля. Я засыпала самым счастливым ребенком на свете. Другие взрослые и потом не выпускали меня из-за стола и продолжали мучить какими-то кусками мяса, но мама с этих пор никогда не заставляла меня есть.

Гарри Поттер. А ты не могла всегда жить с мамой?

Аля. Я просила, но мама оставляла меня у бабушки.

Мама *(встает)*. Так, мне надо работать. Я не могу тебя пока взять, извини. *(Уходит.)*

Аля. Мне кажется, если она сейчас придет, то снова меня туда отправит.

Нсюха-гот. А тебе не к кому больше поехать, ну, если убежать?

Аля. Нет. Я могу попытаться уговорить ее, чтобы она здесь меня оставила, ну или спрятаться. Может быть, прошмыгнуть мимо медсестры? Сейчас? *(Встает.)*

Нсюха-гот. Да, а если медсестра опять зайдет? А тебя уже нет? Не, раньше времени не надо, иначе она догадается.

Гарри Поттер. Еще и скандал закатит.

Аля (*садится*). Да, а еще все наши куртки внизу заперты.

Нсюха-гот. Ну, если это делать, что лучше сразу после тихого часа.

Гарри Поттер. Слушайте, давайте потише говорить! А то Калякина проснется и подслушает. (*Показывает на четвертую девочку*)

Нсюха-гот. Да она и так все время спит, как хорек.

Гарри Поттер (*шепотом*). Калякина, не снимай очки, ты в них как слепой хорек – меня стошнит. (*Смеются*.)

Нсюха-гот. Давай еще из своих историй что-нибудь.

Аля (*шепотом*). О'кей. Кстати, а вы знаете, кто такие олигофрены?

Гарри Поттер. Звучит как «аллигаторы».

Аля. В общем, моя бабушка работала в школе для олигофренов и иногда брала меня с собой. Когда мы туда первый раз шли, я спросила: «Бабушка, а кто такие олигофрены?» Мне казалось, что это такие большие крокодилы, которым она бросает в открытые пасти книги, и они их глотают, как таблетки.

Нсюха-гот. Ну, это же такие, которые совсем кретины?

ГАРРИ ПОТТЕР хихинает.

Аля. Не знаю, я бы так не сказала.

Появляется БАБУШНА.

Бабушка. Олигофрены – это дети, которые плохо себя ведут, если ты будешь расти глупой и плохо себя вести, то мы тебя отдадим в такую школу.

Аля. Олигофрены оказались обычными людьми, а не крокодилами. Но они были такие взрослые, а я такой маленькой, что я поняла, что бабушке придется очень долго ждать, пока я вырасту.

АЛЯ садится за стол. БАБУШНА кладет листок и ручку.

На уроке мне дали листочек и ручку, чтобы рисовать, а бабушка рас-

сказывала олигофренам про Лермонтова.

БАБУШНА читает Лермонтова.

Я во все глаза смотрела на этих олигофренов. Один из них мне особенно приглянулся. Он был ниже всех ростом, но с очень взрослым лицом и с вот такой большой головой! А голос у него был почему-то детский. И я никак не могла понять, мальчик он или дедушка.

Нсюха-гот. Я тоже видела у нас таких в поселке. Они с виду нормальные, а вроде бы и не совсем. У нас как раз через дорогу от дома – психушка!

Аля. Ну, в общем, я сидела на последней парте и воображала всякие ужасы. Вот у меня тоже вырастает только голова или, например, все, кроме головы, – и бабушка отдает меня в эту школу.

БАБУШНА стучит уназой.

Бабушка. Эй, ты! Девочка с большой головой – к доске!

АЛЯ выходит.

Бабушка. Шестью восемь?

Аля. Это самое главное, что я ненавижу в школе.

Нсюха-гот. И я! А еще геометрию!

Бабушка. Не знаешь таблицу умножения? Садись, два! (*Уходит*.)

Гарри Поттер. Как же тебе повезло, что бабушка ведет уроки у олигофренов, а не у тебя.

Нсюха-гот. А у меня вообще нет бабушки – может, оно и к лучшему.

Аля. Вот, понимаете теперь? Да здесь просто рай по сравнению с этим!

Входит МЕДСЕСТРА. Все ныряют под одеяла.

Медсестра. Эй, Маликова! Маликова! Я с тобой говорю. Можешь уже вещи собирать. Только тихо.

Аля. А дневник отдадите?

Медсестра. Потом отдам. А вы – спать! (*Уходит*.)

Аля *(подходит к шкафу, достает чемодан)*. Не хочу я ничего собирать.

Нсюха-гот. Короче, давайте так. После тихого часа ты быстро спускаешься вниз, а мы пока отвлекаем медсестру.

Гарри Поттер. Так раздевалка же закрыта! Куда она пойдет? Там минус десять.

Нсюха-гот. А мы тебе два свитера отдадим. Все наденешь на себя.

Гарри Поттер. А дальше что?

Нсюха-гот. Не знаю. *(Але.)* А ты когда-нибудь из дома сбегала?

Аля. Не совсем сбегала, но уйти пыталась. В пять лет.

Гарри Поттер. Из-за бабушки?

Аля. Да, она заводилась по любому поводу, как часы.

Появляется БАБУШНА.

Бабушна. Ты как ковер подмела? Ты вообще видела? Что это? Кто так подметает? Ну какая же белоручка, в кого же ты такая уродилась? Ну-ка дай веник сюда? Ни мозгов, ни рук. Лодырь, вот есть натуральный лодырь! Кому ты такая нужна будешь? Да никому.

Аля. А однажды дедушка пришел домой слишком поздно.

Бабушна. Ты где был? Опять пил? Опять в баню ходил со своими алкоголиками?
(Уходит.)

Аля. А у тети была своя жизнь и свои подружки.

Выходит ТЕТЯ со своей подружкой и с гитарой. Поют: «Свет твоего окна, для меня погас, стало вдруг темно...»

Аля. А можно я тоже с вами? Можно тоже с вами?

Тетя. Нет, мы сейчас записывать будем на кассету, а ты только мешаешь!

Уходя, продолжают: «Осень, осень, ну давай у листьев спросим...»

Аля. Мне казалось, что я только и делаю, что всем мешаю. К кому бы я ни приходила, всем со мной станови-

лось тесно. Я спала вместе с тетей в ее комнате, на ее кровати. А дедушкина кровать была слишком маленькая, чтобы там поместиться вдвоем. А у меня своей кровати не было. А еще я очень боялась спать у стенки, но тетя никогда мне не разрешила спать с краю, потому что сама там спала.

Выходит БАБУШНА, садится за стол и включает телевизор на полную громкость.

На стене висел темно-бордовый ковер с ромбиками, днем он был обычным ковром, а ночью становился страшным чудовищем. Ромбики оживали и превращались в монстров. Бабушка обычно в этот момент за стенкой смотрела телевизор, поэтому я слышала звуки политических передач и зажмуривала глаза. Я никогда не спала и слушала новости.

Бабушна *(грызет семечки, смотрит телевизор. На экране – Ельцин.)* Опять этот Ельцин, прости Господи, а лицо-то какое!

Аля. Ельцин – это наш президент.

БАБУШНА переключает канал, на экране — Листьев.

А это Влад Листьев – дядя с большими усами. Он ведет «Поле чудес». Бабушка очень любила «Поле чудес». А я больше любила «Зов джунглей». Там в конце передачи всей команде раздавали по коробке с киндер-сюрпризами.

Гарри Поттер. Да, я тоже их смотрела! Мне особенно нравилась песенка *(поет)*:
Вечером в среду после обеда
Сон для усталых взрослых людей,
Мы приглашаем тех, кто отчаян,
В дикие джунгли скорей!

Аля. Мне казалось, что эта песенка отражает мои отношения с бабушкой, ведь я ненавидела спать днем. А она любила. Она спала в другой комнате за стенкой, но все контролировала,

и, если я скрипела в кровати, она стучала мне по стенке.

БАБУШКА стучит.

Бабушка. Ты спать ляжешь или нет? Я слышу, как ты дышишь! Еще один звук, и я точно...

Аля. Мама, я не хочу больше здесь жить!

Мама. Но я не могу тебя сейчас забрать.

Аля. Ну и прекрасно! Значит, я от всех вас уйду!

Мама. И куда ты уйдешь, интересно?

Аля. Я уйду в детский дом жить! Я знаю, как туда идти, мы там с бабушкой были.

Появляется ТЕТЯ.

Тетя. Аля, не уходи, ты что, не надо! Сматри, тут и твои игрушки, и книжки твои, а там у тебя ничего не будет... там и нас не будет.

Мама (*строго*). Не надо ее отговаривать, если хочет – пусть уходит, раз мы ей не нужны.

Тетя. Не уходи, пожалуйста!

Мама. Не разговаривай с ней. Она теперь не наша, а чужая девочка из детдома. (*Толкает в спину.*) Пойду отведу ее в детдом, она и так всем уже надоела тут.

Аля. И вот мы пошли в детдом, и я шла и плакала от обиды, потому что меня все ненавидели. Но мама своими толчками только подкрепляла во мне эту уверенность, поэтому я молчала.

Мама. Вот, привела вам девочку, она хочет остаться у вас жить.

Воспитательница. Как тебя зовут?

Аля. Аля.

Воспитательница. Ну, проходи, пойдём, я тебе все покажу. (*Берет за руку.*)

Воспитательница. Сейчас все в столовой кушают. (*Показывает рукой налево.*) А тут, смотри, у ребят свои шкафчики, а это спальня, у нас тут очень весело и хорошо! Ну что, остаешься?

Аля. Остаюсь.

Аля. Мне показалось, что это точно такой же детский сад, только с ночевкой.

Воспитательница. Тогда пойдём прощаться с мамой. Алечка сказала, что будет с нами жить.

Мама. Ты точно решила?

Аля. Да, точно.

Мама. Ну, тогда я пошла. (*Уходит.*)

Аля. Мама, не уходи! Я с тобой!

Мама. Ты уверена?

Аля. Да.

Мама. И не будешь больше обижаться на бабушку?

Аля. Не буду, обещаю. (*Сквозь слезы.*)

Мама. Ну, тогда пошли обратно. Я тебе плеер купила, будешь слушать? (*Уходит.*)

АЛЯ снова садится на кровать.

Аля. Мама покупала мне много всего, но почему-то никогда не говорила, что любит меня. Зато она говорила это Пуху, сыну моей тети, каждый раз, когда видела его. «Пух, иди сюда, я тебя обниму, Пух, иди сюда, я тебя поцелую» – и он бежал к ней, и она его кружила. Я сидела одна в углу и смотрела на них. Мне было непонятно, почему его любят, а меня нет. Пух был с белыми волосами, а я с черными. И я решила, что все дело в цвете волос. Наверное, это все мои черные волосы. Хочу белые, хочу белые – каждый раз на ночь загадывала я. Но просыпалась снова с черными, и росли они все длиннее и длиннее.

Нсюха-гот. А я обожаю черные волосы! Да, короче, никакого опыта у тебя по сбегаю из дома нет.

Аля. Мне некуда было сбежать, потому что родственники все всегда делали, как говорила бабушка. А мама жила в Москве, далеко.

Гарри Поттер (*выглядывает в окно*). Слушай, а можешь ты пойдешь к библиотечкарше, Елене Николаевне? Она же совсем рядом с нашим корпусом. Спрячешься у нее.

Нсюха-гот. Точно. Она норм! Расскажешь ей все как есть – она поймет. И спрячет тебя где-нибудь.

Аля. Если успею, конечно.

Гарри Поттер *(вздыхает)*. В одном тебе точно повезло, даже если тебя заберут – больше кровь не надо будет сдавать. Вообще – меня никто не предупредил, что здесь надо ее сдавать.

Нсюха-гот. А я нормально отношусь к крови. Я слушаю тяжелый металл, а металлисты крови не боятся.

Гарри Поттер. Так, какой у нас сегодня день? Понедельник?

Аля. Вроде да. Завтра вторник.

Гарри Поттер. Значит, послезавтра наконец идем мыться. Скорей бы. Мыться раз в неделю – это какой-то ад.

Нсюха-гот. Слушайте, я тут песенку сочинила про эту тюрьму! Вернее, переделала. Слышали песню «Последний герой» «БИ-2»? Короче, вот. *(Вскакивает на кровати, поет или декламирует.)*

Кровати здесь такие, как в тюрьге,
А повара такие жадные,
И хочется на полдник изюма в шоколаде,
Но пьем таблетки целый день.
Под скрип кроватей и под лай собак
Нам суждено уснуть, но только как?
Ложимся в девять, а встаем мы в семь.
Ну что поделать – умереть нам всем.
Остаться в живых, отчаянный псих...

Гарри Поттер *(смеется)*. Ксюха, это, конечно, круто, но со слухом у тебя не очень.

Нсюха-гот. А у тебя, что ли, идеальный?

Гарри Поттер. Я училась в музыкалке, говорят, что да. Хотите спую? Ну я так...

Аля. Давай.

Гарри Поттер *(встает на кровати, поет с надрывом)*. Прекрасное далеко, не будет ко мне жестко, не будь ко мне жестоко, жестко не будь!

Медсестра *(входит)*. Остарова, Врубель! Вам давно уже уколов не ставили, я смотрю?

Нсюха-гот. Извините, пожалуйста. Просто Аля уезжает и...

Медсестра. И вы решили устроить концерт? Ложитесь и не вставайте, я ясно выразилась? Маликова, ты собираешься?

Аля *(начинает складывать вещи)*. Да, собираюсь, собираюсь.

МЕДСЕСТРА уходит.

Нсюха-гот. Вот никак мимо нее не пройдешь. *(Подходит к двери, смотрит в щелчку.)* Пошла в кабинет. Эх.

Аля. Ксюха, ты там смотри, если что. Вдруг она куда-то отойдет, я тогда сразу побегу.

Нсюха-гот. Пока сидит.

Гарри Поттер. Слушайте, а вы хоть чем-нибудь болеете? Зачем-то же нас сюда отравили?

Нсюха-гот *(отходит от двери)*. Я ничем. Мама на работе путевку получила и отравила типа посмотреть Москву. Я из поселка Ныроб. Это далеко, в Перми. Но вообще она мне сказала, что надеется, что я перестану быть готом. Правда, у меня почти нет друзей-готов в поселке. Только в самой Перми.

Аля. А чем обычно занимаются готы в Перми?

Нсюха-гот. Да ничем таким особенным – просто слушаем музыку, шатаемся по кладбищам. Кстати, был случай, когда навещали друга-гота в больнице. Половина из нас угорала над сторожем – он интересовался, почему мы все в черном, лица исколоты, висят цепи. Под конец мы решили приколоться, там висела доска какая-то для заполнения бланков, и вот мы туда приклеили объявление: «Принимаем лом цветного металла». Видели бы вы лицо того сторожа!

Аля. Короче, твоя мама против готов.

Нсюха-гот. Ага! Все плакаты в моей комнате сорвала. Все надеется, что мой мозг вернется на место. Но полгода назад я стала жить двумя жизнями – реальной и виртом. Все прошлое лето провела в чате с вампирами, сатанистами, ночными мышками и прочим потусторонним людом.

Аля. Понимаю, я иногда тоже сижу в чатах, когда грустно и нечего делать.

Нсюха-гот. Просто в чате нет ни пола, ни возраста. Ты можешь быть там кем хочешь – тем, кем не можешь быть в жизни. И там у меня много друзей, поэтому я чаще разговариваю с телефоном и компом, чем с людьми. Люди в реале неинтересные.

Гарри Поттер. А я вроде и правда болею. Иногда сердце колет. Говорят, что порок сердца. Сказали, что будут лечить.

Нсюха-гот. Что-то я пока не видела, чтобы нас кто-то лечил.

Гарри Поттер. Вот и я. Нам бы просто здесь выжить, и все.

Нсюха-гот (*шепотом*). Вот кто тут точно не в себе – так это Калякина. У нее явные проблемы с головой!

Гарри Поттер. Слушайте, а давайте оставим послание следующим, ну, тем, кто сюда придет после.

Аля. На чем?

Гарри Поттер. Можно на спинке кровати. На вот этой деревяшке. Изнутри. Мы так в районном лагере делали.

Аля. Давайте! У меня как раз есть маркер. Я буду писать.

Нсюха-гот. На чьей кровати будем?

Аля. Давай на моей. Диктуй!

Нсюха-гот. Привет всем, кто приехал сюда после нас! Это мы пишем вам из маленькой палаты. Ничего хорошего вас здесь не ждет. Медсестры будут колоть вам уколы, даже если у вас ничего не болит. А еще здесь живет призрак Белой Леди. Она ходит по ночам и хочет убить одного из нас.

Гарри Поттер. Начинается. Давай лучше про жизнь.

Нсюха-гот. Я вообще-то серьезно. Я видела ее, я тебе клянусь. Она прошлой ночью у вон того стекла стояла и тарашилась на нас. Волосы белые, глаза без зрачков. Жесть. Стояла и смотрела. Я тебя будила, между прочим!

Гарри Поттер. Не помню такого!

Нсюха-гот. Да потому что ты сразу заснула. Алю тоже будила. Помнишь, я тебе ее лицо показала?

Аля. Э-э-э... Вроде что-то такое припоминаю. Дальше-то что пишем?

Гарри Поттер. Пиши. Есть особо нечего. Каша на завтрак резиновая. Надо еще про туалеты написать! Моемся мы только раз в неделю, а хотелось бы хотя бы два. В туалет зайти невозможно – он воняет. Напиши. Очень воняет.

Нсюха-гот. Смердит. Телефоны здесь запрещены – их могут украсть. Воруют даже шоколадки.

Гарри Поттер. И в целом – мы хотим домой, потому что это не санаторий, а какая-то зона.

Нсюха-гот. И еще «спасите нас, SOS» припиши.

Аля. Готово.

Нсюха-гот. Ты что, левша? Меня вот переучили.

Аля. Меня тоже пытались. (*Садится за стол. Берет ложку.*) С тех пор как я научилась держать ложку в руке самостоятельно, взрослые заметили – я беру приборы левой рукой. Сначала мне делали замечания.

Появляются ТЕТЯ и БАБУШНА.

Тетя. Аля, возьми вилку в другую руку.

Аля, переложи ложку.

Бабушка. Будешь так себя вести дальше, пойдешь жить к олигофренам.

Аля. Конечно, я покорно перекладывала ложку в другую руку, потому что очень боялась, что бабушка отдаст меня олигофренам. Но через несколько часов, когда все снова садились за стол, в очередной раз хваталась левой рукой за столовый прибор.

Бабушка. Опять! (*Шелкает Алю по пальцам.*) Не та рука! (*Берет веревку и начинает привязывать левую руку Али.*)

Аля. С целью отучить меня от пагубной привычки был проведен домашний эксперимент: во время еды моя левая рука была привязана к туловищу. Я дольше всех неуклюже ковырялась в тарелке, пока аппетит окончательно не пропал.

Бабушка. Ну что за порода? Все у нас в семье нормальные, а ты белоручка! Посмотри, за столом все держат ложку правой рукой, одна ты выпендриваешься!

Аля. Но мне так неудобно!

Бабушка. Удобно тебе все, не придумывай! Сейчас же возьми в правую!

Аля. Летом мы на дедушкиной «копейке» поехали в деревню к дальним родственникам, где всюду росли сосны, земляника, а под ногами лежал белый песок. К домику вела тропинка из камней, на которой я любила играть. Закончилось это тем, что

однажды словно кто-то невидимый толкнул меня вперед, и я полетела на камни, выставив вперед левую руку. Через два часа она уже была в гипсе, а я пыталась пить чай с земляничным вареньем.

Бабушна. Теперь ты уже никого не перехитришь. Будешь есть, как все, правой рукой.

АЛЯ отвязывает веревку.

Аля. Но ничего не вышло. Варенье опрокинулось на пол. Читать я научилась раньше, чем рисовать и писать, потому что боялась это делать при домашних. Когда кто-то из них заходил в комнату, я быстро бросала ручку. Они говорили, что я пишу как курица лапой. Иногда бабушка любила спрашивать...

Бабушна. Покажи, в какую сторону идет часовая стрелка?

АЛЯ хмурится, потом поназывает налево.

Аля. До сих пор не знаю в какую!

Бабушна. Ну, чума! В кого же ты такая безмозглая в нашей семье родилась?

Выходят ДВЕ ДЕВОЧНИ, рисуют что-то на полу.

Аля. Рядом со взрослыми я всегда чувствовала себя как космонавт в невесомости. В шесть лет я перешла в старшую группу в новый детский сад. Воспитательница подвела меня к нескольким девочкам, которые что-то раскрашивали фломастерами на полу. Они приняли меня к себе, поделились двумя карандашами, но, когда я принялась раскрашивать, остановились и вытаращили на меня глаза.

Девочки. Посмотрите, как она странно держит фломастер! Другой рукой! У нас тут все правой рисуют, поняла? Отдавай фломастеры, мы тебя не принимаем.

Аля. Да и пожалуйста!

Аля. В школу мне идти, естественно, не

хотелось, потому как бабушка неоднократно намекала...

Бабушна. Вот там-то из тебя наконец сделают человека и заставят писать как положено. *(Уходит.)*

Выходит УЧИТЕЛЬНИЦА.

Аля. Тогда я придумала маленькую хитрость. В первый же учебный день я попросила учительницу. *(Обращается к ней.)* Можете пересадить меня на последнюю парту?

Учительница. Ты самая маленькая в классе и, наоборот, должна сидеть как можно ближе к доске, вернись на свое место!

АЛЯ садится за стол.

Так, открываем прописи и берем ручки.

Аля. Я помедлила, оглянувшись на ближайших соседей, но все они были правшами.

Учительница. Напишите заглавную букву алфавита с красной строки.

АЛЯ пишет. УЧИТЕЛЬНИЦА подходит к ней.

Учительница. Может быть, ты возьмешь ручку в правую руку?

Аля. Нет. А если вам это не нравится, то я в вашу школу больше не приду.

Учительница. Вот своенравная! Надо твоих родителей вызвать в школу! Это что еще за новости – в советское время всех переучивали! *(Уходит.)*

Аля *(садится на кровать)*. Так я осталась левой.

Нсюха-гот *(вздыхает, садится на подоконник)*.

А меня вот в детском саду все-таки переучили. Сказали, что я делаю все неправильно, и я поверила.

Аля. Что там медсестра?

Гарри Поттер *(подходит к двери)*. Сидит.

Нсюха-гот *(смотрит вниз)*. Слушай, а может, тебе в окно сигануть?

Аля. А снега там много?

Подходят с ГАРРИ ПОТТЕРОМ
н онну, тоже смотрят вниз.

Гарри Поттер. Нет, тут очень высоко. Здесь второй этаж как четвертый. Ты как минимум сломаешь себе руки и ноги. И то если повезет.

АЛЯ вздыхает.

Нсюха-гот. А в детдом ты так и не ушла?

Аля. Нет, зато я познакомилась с одной девочкой и поняла, что мне туда совсем не хочется. Мы как-то гуляли с бабушкой и потом я услышала, как через дорогу какая-то девочка кричит.

Нристина (*голос за сценой*). Хочу туда! Отведи меня к ней! К этой девочке!

Аля. Я тогда очень испугалась. Зачем она ко мне хочет? Она кричала и топала ногами.

Бабушна. Это они из детдома взяли девочку. Она, конечно, очень невоспитанная.

Аля. В итоге она пришла и сорвала мои любимые цветы – незабудки. Сказала, что ей все можно. Я тогда подумала, что она как будто из джунглей. Как-то раз у нас во дворе я ее снова увидела. Там Кристина была совсем не такая, как тогда, а в сто раз хуже. Она ругалась хуже, чем все наши мальчики, плевалась через плечо и кричала.

Выходят ДВЕ ДЕВОЧНИ.

Девочки. Ну, она какая-то совсем дикая, посмотрите на нее!

Аля. Ну да, она же из детдома.

Девочки. Что? Она что, приемная?

Аля. Мне не казалось это каким-то странным, или смешным, или ужасным.

Девочки (*Кристине*). Эй, ты! Приемная! Приемная! Ха!

Аля. Кристина кинулась домой, и моя душа ушла в пятки. Я с двумя мальчиками спряталась где-то во дворе и играла, мне не хотелось, как трус, сразу убежать, тем более я ничего плохого не сделала.

Выходит МАМА Нристины.

Мама Нристины. Откуда вы это знаете? Кто вам сказал? Кто?

Девочки. Она! (*Показывают на Алю*.)

Мама Нристины. Откуда ты узнала? Это была наша семейная тайна! Об этом никто не знал! Откуда ты, дрянь, такая вониючая, узнала! (*Хватает за ухо, тащит.*)

Аля. Она взяла меня за ухо и тащила на виду у всего двора. Весь двор столпился у подъезда и смотрел на нас с открытыми ртами. Ничего нет хуже, чем когда тебя тащат за ухо на виду у всех, честно вам говорю. Она вела меня прямо к бабушке домой, и я понимала, что сейчас мне придет конец, потому что ничего хуже моей бабушки в этой ситуации быть не может.

Мама Нристины (*толкает Алю, она падает на колени*). Ваша девочка разболтала всем во дворе, что Кристина нам приемная дочь!

Аля. Бабушка посмотрела на меня так, как будто больше всего на свете ей хотелось, чтобы я исчезла.

БАБУШНА и МАМА Нристины
уходят.

Я ждала наказания одна, пока бабушка разговаривала с тетей. Потом тетя ушла, и я сидела в ужасе, понимая, что сейчас, наверное, меня убьют.

АЛЯ стоит на ноленях. Свет гаснет.

Я перебирала в памяти все события своей пятилетней жизни – самые счастливые моменты. Например, когда мы жили с мамой, по радио все время играла одна песня... Понимаете, у каждого есть та самая песня, которая... (*Энино Морриконе «Chi Mai»*.) Сначала я пришла к выводу, что хороших воспоминаний не так уж и много, разве что когда мы с мамой гуляли вдвоем в парке «Сокольники», мама посадила меня

на настоящего пони, а фотограф снял нас на Polaroid. Потом мама купила мне красный шарик в форме сердца, пристегнула его к подтяжкам на моих вельветовых штанах, но шарик вырвался, улетел, зацепился за дерево и навсегда остался там. Я плакала и тянула к нему руки, но ничего сделать было нельзя. А потом я увидела нашу квартиру в Москве и услышала ту самую песню, которая играла по радио, запах метро, темные вагоны с желтыми фонарями. *(Голос диктора: «Станция “Улица 1905 года”, уважаемые пассажиры, осторожно, двери закрываются...»)*

А на «Баррикадной» нам как раз нужно было выходить, потому что там был зоопарк, о котором я так мечтала. А потом мы с мамой снова вдвоем в чужой квартире. Мама иногда забирала меня от бабушки, и у нас начиналась новая жизнь. И у мамы можно было делать все, а у бабушки – ничего. Мы с мамой ели яичницу прямо из сковородки, потому что в той квартире не было тарелок, и мама сказала, что мы теперь всегда будем жить вместе. Я забиралась на кровать, а над головой у меня парило много воздушных шариков, все под потолком, я играла с ними – ловила их и отпускала. Правда, на следующий день меня опять возвращали к бабушке, а мама снова уезжала. Перебирая это в памяти, я в итоге решила, что счастливых воспоминаний у меня столько, что я совсем не хочу умирать.

Бабушка *(кричит)*. Откуда ты узнала, что Кристина из детдома? Где ты это узнала?

Аля. Не знаю. Я не хотела ничего плохого. Разве это плохо, что она из детдома? И вдруг – я вспомнила! *(Поворачивается к бабушке.)* Бабушка, так ты же сама сказала, что она из детдома, когда мы стояли на улице! Это ты мне сказала.

Бабушка. Все равно ты сейчас пойдешь и извинишься перед Кристиной и ее мамой, иначе я выпорю тебя.

Аля. Бабушка взяла меня в охапку, всю заплаканную, и потащила в соседний подъезд.

МАМА Кристины стоит на сцене, в нее летят подушки. Слышны крики Кристины.

Бабушка. Давай, извиняйся!

Аля. Кристина, прости, пожалуйста. Я не нарочно.

Кристина *(голос за сценой)*. Уходи!

Все, кроме АЛИ и ДЕВОЧЕН, уходят. АЛЯ снова садится на кровать.

Аля. Я никогда больше не разговаривала с Кристиной. Во дворе все постепенно успокоились, и то, что она из детдома, уже никого не волновало, даже наоборот – все стали ее бояться, и после этого случая ее авторитет только вырос. Она участвовала во всех драках, ругалась как слесарь и была еще веселее, чем раньше.

Четвертая девочка просыпается.

Налянина. А можно потише? Я вообще-то здесь сплю!

Нсюха-гот. О, синие штаны проснулись!

Налянина. Отвали!

Нсюха-гот. Эй, хорек! А штаны тебе не жмут?

Гарри Поттер. Да нет на ней никаких штанов. Они, наверное, опять под подушкой. Калякина, зачем ты их от нас прячешь?

Налянина. Отвали, я сказала.

Аля. А в чем дело?

Нсюха-гот. Кто у меня пятьсот рублей из тумбочки украл?

Налянина. Да не я это!

Нсюха-гот. А кто еще? Только ты у нас можешь быть воровкой!

Гарри Поттер. А еще ты вечно ходишь и ноешь, что с тобой никто не дружит. Постоянно пристаешь ко всем, выпрашиваешь у меня книжку про Гарри Поттера.

Нсюха-гот. Признавайся давай! Ты стащила деньги?

Налянина (*накрываясь одеялом*). Да не брала я твои деньги!

Нсюха-гот. Жирная уродина, вот ты кто!

Аля. А когда деньги украли?

Нсюха-гот. Сегодня после завтрака! Прихожу из столовки, а их нет. Это все деньги, которые мне родители дали с собой. Сто процентов – это она.

Налянина. Да не я это! Это мальчики из другой палаты, я клянусь, что не брала!

Нсюха-гот. Чем поклянешься?

Налянина. Да хоть на иконе поклянусь!

Аля. Слушай, Ксюх, может, это правда не она?

Нсюха-гот. Не знаю, не знаю, да ты только посмотри на эту жирную кобылу! А кто у нас вечно выпрашивает полдники? Кто просит одолжить денег и купить шоколадку? Кто просит поносить одежду?

Гарри Поттер. А как-то раз, когда я заболела и не пришла на ужин, она съела мою порцию.

Нсюха-гот. Дома тебя, что ли, не кормят?

Налянина (*с перекошенным лицом кричит*). Да нет у меня никакого дома! Поняла! (*Резко вскакивает, прыгает на подоконник, рывком открывает окно, пытается выпрыгнуть.*)

Все бросаются к ней, АЛЯ и ГАРРИ ПОТТЕР хватают ее за руни, вместе падают на пол.

Аля. Калякина, ты чего?

Гарри Поттер. Ты это... ты знаешь, как там высоко?

Налянина. Да, пустите!

Аля (*Ксюхе*). Закрой окно.

Налянина. Как же вы меня достали! Я ничего вам не сделала! А ты! (*Поворачивается к Ксюхе.*) Тоже прицепилась ко мне, потому что я из детдома?

Аля. Как? Я не знала. (*Пауза.*)

Налянина. Да, можете всем теперь трещать. Хотите, я вам тоже кое-что расскажу? Я не спала. Я слышала, как вы тут говорили. И про меня всякие гадости тоже. Но я не хочу домой, потому что моего дома уже нет.

Аля. Мы не знали, мы просто...

Гарри Поттер. Думали, что ты очень навязчивая и странная.

Налянина. Я не навязчивая – у меня просто никого нет. Моих родителей больше нет, понимаете? Только дом два этажа – в аварийном состоянии и двор, вот и все, что осталось от поселка, где мы жили. А я вспоминаю бабушек, которые сидели на лавочках, моего папу, который вечно копался в своем гараже. Папа мне как-то раз сказал: вот вырастешь и все узнаешь о жизни. И вот я выросла, все узнала и хочу вернуться назад. Знаете, чем кормят в детдоме? Повезло, что не знаете. И это не одноразовая акция, не санаторий на два месяца – это из года в год ты просыпаешься в одном и том же месте, ешь одну и ту же еду, смотришь на одних и тех же людей. Вот там все воруют! А меня не так воспитывали...

Нсюха-гот (*подходит к ней, садится рядом*). Калякина, извини. Правда, извини. Мы не знали.

Гарри Поттер. Да, никто не знал.

Налянина. Конечно, я решила никому здесь не говорить, откуда я, а то, как всегда, начнется. Ничего, я уже привыкла.

Гарри Поттер. Все наладится. Может быть, тебя кто-то еще возьмет?

Налянина. В пятнадцать лет? Вряд ли.

Нсюха-гот. Вот, знаете, а у меня вроде бы есть родители, а временами кажется, что нет. Они не живут вместе. Мама говорит, что отец плохо зарабатывает и она все тащит на себе. А отец... говорит, что она агрессивная. У меня нет своей комнаты – я живу с младшей сестрой. Закрываюсь и слушаю музыку. Вот поступлю в универ – и съеду на фиг.

Налянина. Все равно это лучше, чем ничего.

Аля. Да лучше в детдоме жить, чем с моей бабушкой. Я тебе завидую.

Налянина. Серьезно? Мне еще никогда никто не завидовал.

Аля. Просто я была самой плохой помощницей на свете.

Появляется БАБУШНА с корзинками, одну из них дает АЛЕ.

Бабушка. Ну ты, конечно, как всегда – без-мозглая белоручка! Ты будешь собирать смородину или нет?

Аля. Я думала, что слово «белоручка» как-то связано с тем, что я левша. Потому что левшей в нашей семье больше не было. Все остальные были правшами и всегда все делали хорошо. У нас было около двадцати кустов черной смородины, которую я ненавидела всей душой.

Аля. Можно я схожу попить в дом к тете Нине?

Бабушка. Только на пять минут, ясно? (*Их-дит.*)

Аля. Но я шла не торопясь, потому что за кустами и садом меня не было видно. У тети Нины было хорошо. Во-первых, она сразу начинала поить меня чаем с бутербродами. Бутерброды были у нее очень интересные. Надо взять кусок белого хлеба, мягкого и свежего, отрезать масло, а сверху налить варенья. Получалось очень вкусно и очень сладко. Но самое мое любимое сладкое блюдо делала иногда мама: нужно было отрезать хлебушек, намазать сверху немного масла, потом разделить его на квадратики и сверху посыпать сахаром. А с бабушкой мы иногда ели блюдо, которое называлось «тюря». Он наливал молоко в тарелку и крошил туда хлеб. Потом, когда я немного выросла и мы опять переехали, я узнала, что других ребят в это время кормили шоколадками, печеньями и даже сникерсами, о которых мне оставалось только мечтать. Я сначала очень расстроилась и думала, что мы бедные, но потом вспомнила бабушкиных олигофренов, которые вообще кушали только в столовой, и подумала, что им уж точно хуже, чем мне. Их вообще никуда не выпускали, и они не могли пойти себе купить даже мороженое «стаканчик».

Появляются БАБУШКА и ТЕТЯ с корзинками в рунах, высыпают что-то на стол.

Когда мы приходили домой и вываливали всю смородину, то мои ягоды всегда оказывались раздавленными в некоторых местах.

Бабушка. Опять еду переводим из-за тебя! Криворучка! В кого ты такая уродилась? В нашей семье все с детства работают на огороде и всё умели делать в твоём возрасте!

Тетя. Между прочим, в твоём возрасте я уже грядки окучивала.

Бабушка. Ты хоть маме помогаешь? Ты посуду моешь?

Аля. Мою.

Бабушка. Убираешься?

Аля. Убираюсь.

Бабушка. Ты, наверное, плохо убираешься и посуду не умеешь мыть. Ни мозгов, ни рук, пороть тебя надо! Идешь работать в огороде или нет? Конечно, не идешь. Весь день отлыниваешь. Лодырь, вот есть натуральный лодырь!

Аля. А можно я пока в комнате тихо посижу? Я просто читаю и пишу.

Бабушка. Чего попишешь?

Аля. Стихи.

Бабушка. Какие еще стихи? Ты смеешься, что ли? Прости господи, еще и психически неуравновешенная. Ну, что молчишь? Мыслей никаких нет? Что стоишь, рот открыла? Вдохновение пришло? Какие мысли о жизни?

Аля. Тебе сказать мои мысли?

Бабушка. Скажи.

Аля. Ну, сейчас я вспоминаю свой старый лагерь и думаю, как здорово было бы вернуться туда и побродить там. А еще мне нравится сидеть на окне и наблюдать за прохожими.

Бабушка. Тебе лечиться надо!

Аля. Ну почему ты так говоришь? У каждого свои мысли.

Бабушка. Нет, это ненормально. Тебе точно надо в милицейское училище! Толчков надраишь там, и вся дурь из тебя выйдет! Ты же знаешь, что нам нужны милиционеры в семье. Вот и давай.

Аля. Но я не хочу.

Бабушка. Тебя здесь вообще никто не спрашивает. У тебя генетика такая... тупорылость от отца, понимаешь?

Ты даже одну грядку прополоть нормально не можешь! После тебя одни корешки остаются! *(Уходит.)*

Аля. А моя мама в таких занятиях никогда не участвовала. Мне рассказывали, что в первом классе она сожгла все свои учебники и школьную форму на заднем дворе. Наверное, такое же мнение у нее было по поводу смородины.

Нсюха-гот. Серьезно? Вот это круто!

Аля. Да, они жили тогда в Германии, ей было всего шесть лет, и ее решили отдать в школу. Ей там все не понравилось, и она ничего не понимала. И после первого сентября она взяла у папы, то есть у моего дедушки, канистру с бензином, пошла на задний двор, взяла все учебники и форму и сожгла их.

Нсюха-гот. А ее бабушка, в смысле ее мама, сильно ругала?

Мама. Да так, не очень.

Бабушка *(кричит из-за сцены)*. Ты самая непутевая дочь, которая была в моей жизни! Самая взбалмошная. Твоя сестра закончила институт с красным дипломом! А ты чего? Родила нам ребенка непонятно от кого.

Аля. А еще я очень редко видела маму, поэтому не знала, кем она работает. Однажды во дворе, когда я играла на горке, ко мне подошли новые девочки.

Выходят ДВЕ ДЕВОЧКИ.

Девочка 1. А моя мама работает директором в магазине! А папа водителем!

Девочка 2. А моя мама парикмахер, а папа строит дома!

Девочки *(вместе)*. А у тебя кем мама работает?

Аля. Я совсем растерялась, потому что мне никогда в голову не приходило спрашивать у мамы, кем она работает. Но пару раз, когда она брала меня на свою работу, в кабинет со столом, где тети в кожаных юбках угощали меня дорогими конфетами из длинных коробок, я слышала слово «бухгалтер». Но никогда его не проносила и не знала, что это значит.

Аля. Она работает... бу... бург... бух... бурк.

Девочка 2. Она никем не работает! Ты придумываешь.

Аля. Нет, работает.

Девочка 1. Тогда скажи.

Аля. Бурхагтером!

Девочки. Нет такой работы!

Девочки *(уходя, кричат вслед)*. А папа у тебя кем работает? Да, наверное, никем, потому что у тебя его нет!

Медсестра *(входит)*. Так, разбудите Остарову. Остарова, на укол. Вы чего здесь все расселись? Ну-ка быстро по кроватям. А ты собирайся поживее. *(Але.)*

Гарри Поттер. Ну, если что – я вас всех любила. *(Уходит с медсестрой.)*

Налянина *(забравшись в кровать)*. Слушай, а папа у тебя был?

Аля. Папа у меня был, у всех был папа. Без папы никто бы не родился. Но некоторые папы есть потом с тобой всегда, а некоторые нет. Папу я помнила. Когда я еще не умела ходить, мы жили с ним и с мамой в высоком доме на самом верхнем этаже. У нас был красный ковер, и папа постоянно сидел на нем по-турецки. В нашем доме жило много дядей с автоматами в тельняшках, и у моего папы тоже был автомат, завернутый в кухонное полотенце. Мы постоянно ходили к соседям в гости, а они к нам, иногда мы провожали кого-то из дядей на войну. Накрывали большой стол, а я с другими мальчиками играла в войнушку. А еще у нас дома жили настоящий кот, его нам отдали соседи. Он был бойцовской породы с кривыми лапами и разорванным ухом. Кот ненавидел чужих людей и никого не пускал в дом. Шерсти у него почти не было, и все наши знакомые говорили: «Какой страшный!» А я называла его просто Стракиш. Стракиш никого не любил, кроме меня: спал в моей кровати, голову клал на подушку, как человек, и подтягивал одеяло лапой. Однажды к маме приехали друзья, она дала им ключи от дома и сказала, чтобы они подождали ее у нас дома. Когда она вернулась с работы,

то увидела, что гости сидят на полу в подъезде. Потому что их не пустил кот. А папа иногда любил набирать воды в ванную и притворяться, как будто он утонул. Он нырял головой под воду и мог лежать там очень долго. Я всегда очень боялась, что он захлебнется, заглядывала внутрь и ждала, пока он вынырнет. Но потом он открывал глаза прямо под водой и выпускал пузыри, целый и невредимый. Я думала, что он амфибия. Он носил полосатые кофты, их называли морские тельняшки. Папа был левшой, как и я.

Появляется БАБУШНА.

Бабушна. Ты вся в своего отца-дегенерата.

Аля. Я не знала, что такое «дегенерата», но звучало это устрашающе. Один раз бабушка попросила набрать ей немного клубники с грядки. Я взяла первую попавшуюся тарелку и заспешила к огороду. Тарелка была стеклянная.

Бабушна. Ну кто же в стеклянную тарелку будет клубнику набирать? Надо в пластиковую! Девке уже шестой год идет, а она ничего не умеет и не соображает! Вся в своего отца-дебила. Вот она, тупорылая порода. У нас в семье все рукастые, головастые, учились на пятерки, с высшим образованием. И как только твою мать угораздило влюбиться в этого идиота в семнадцать лет? Нельзя смешивать хорошую кровь, потому что вот такие гибриды в итоге получаются.

Аля. Вот тогда-то я и пообещала себе, что я назло им всем...

Голос медсестры. Подъем! Тихий час окончен! Собираемся на полдник.

Гарри Поттер *(забегает)*. Слушайте, слушайте! Я только что шла по коридору и увидела, как какая-то женщина заходит к нам в корпус!

Аля. В таком длинном черном плаще?

Гарри Поттер. Да!

Аля. Боже, это мама! Нет, я не хочу домой. Она меня снова отправит к бабушке.

Разговор за сценой.

Медсестра. Здравствуйте, вы мама Маликовой?
Мама. Да.

Медсестра. Ну, тогда в первую очередь я вам отдам вот это. Это все, что я у нее конфисковала на тихом часу и после отбоя за две недели.

Аля. Что делать, что делать?

Нсюха-гот. Давай быстро в шкаф! Залезай. *(Открывает шкаф.)*

Гарри Поттер. Скажем, что тебя нет! Ты ушла, ок?

АЛЯ залезает в шкаф, они закрывают ее.

Медсестра. Ваша девочка не спит ни днем, ни ночью. И все остальные из-за нее тоже. Она провоцирует остальных на неадекватное поведение.

Нсюха-гот. Давайте еще вещей накинём сверху. Как будто его давно не открывали.

Налянина. Возьмите мою кофту. Она большая! *(Закидывают на дверцы шкафа.)*

Нсюха-гот. Так, быстро переодеваемся, как будто мы уже встали! *(Натягивают джинсы, заправляют постели.)*

Медсестра *(продолжает говорить с мамой)*.

А знаете, что она устроила на прошлой неделе? Все спокойно спали на тихом часу, а потом она как закричит: «Ой, там белка, белка!» Как пятилетняя! Я прихожу и спрашиваю, в чем дело, а она: «Там белка в окне! Я просто никогда белку не видела!» Естественно, все проснулись! А вчера в два часа ночи прыгала по кроватям с плеером. А еще подралась с мальчиком. Вы понимаете, подралась, как будто она сама – мальчик. Это абсолютно девиантное поведение. Знаете, иногда мне кажется, что она намеренно так себя ведет. Намеренно выводит меня из себя и других медсестер, которые здесь дежурят, – тоже.

Мама. Да, понимаю.

Медсестра. Это кошмар какой-то, нет, я буду просить руководство, чтобы они в следующем году брали к нам только до тринадцати лет. Потому что после – это неуправляемое стадо.

Что в голове у этих пятнадцатилетних? Одна там так вообще вся в цепях! Считает себя готом. А ваша сейчас в палате – собирает вещи. Можете пойти к ней.

Мама. *(Заходит в палату. В руках у нее вещи, которые дала медсестра. Плеер, дневник и две книги.)* Привет, девочки!

Нсюха-гот. Здравствуйте. Вы к кому?

Мама. Я Алина мама. Я за ней приехала.

Нсюха-гот. А ее здесь нет... Она ушла. Вот недавно.

Мама. А куда она пошла?

Гарри Поттер. Мы не знаем.

Мама. Ну, она же вернется? Я ее тогда здесь подожду. На ее месте. Где она спит?

Нсюха-гот. Вон там.

Мама. А, вот и ее вещи. Я пока начну их собирать. Может, вы ее приведете?

Гарри Поттер. Э-э-э, хорошо. У нас сейчас полдник. Она, наверное, уже в столовой.

Нсюха-гот. Да, мы поищем!

Мама. Ну, давайте.

Они уходят. МАМА сначала берет вещи, начинает их собирать, потом поворачивается к дневнику, который ей дала МЕДСЕСТРА. Свет гаснет. МАМА садится на кровать, открывает дневник на середине. Свет падает только на нее.

Мама *(читает вполголоса)*. «Однажды я сильно заболела. Я лежала на диване в гостиной и молчала. У меня болел правый бок. Болел так сильно, что мне не хотелось больше разговаривать. Бабушка мне сразу же не поверила».

Появляется БАБУШНА. АЛЯ выходит из шкафа и ложится на кровать. Теперь свет падает еще и на нее.

Бабушна. Ты все выдумываешь. Ты придуриваешься, потому что ты – провокатор, и я тебя знаю.

Аля. Нет, я не придуриваюсь.

Бабушна. Тогда давай мы тебе скорую помощь вызовем, раз ты такая больная.

Аля. Вызывайте!

БАБУШНА уходит.

Мама *(читает дальше)*. «Поверил мне только дедушка. Он сел со мной рядом и молча стал щупать мне голову и живот. Он был таким спокойным и добрым, что мне даже перестало казаться, что у меня что-то болит. Дальше все было как в тумане. Меня тошнило в машине скорой помощи, потому что там было очень холодно и противно пахло бензином. Со мной оказалась мама. У меня брали кровь из пальца, но было уже все равно. До меня доносились обрывки чьих-то слов: острый аппендицит, воспаление, срочная операция. Меня куда-то положили, покатали, потом вкололи укол, и все в моих глазах поплыло. Слова приобрели иной смысл».

Аля *(лежит в кровати)*. У мамы вместо одной головы – пять. Кто-то держит меня за руку. Мама или я сама? Я лежу на чем-то твердом. Холодный металлический потолок. Врач тоже металлический, а я маленькая. Такая маленькая. Конец 20-го века, а я вешу всего двадцать килограмм. И так глупо будет умереть сейчас, когда мне так мало лет. Я вижу врача издалека, но ничего не ощущаю. И себя тоже вижу, но ничего не чувствую. Мама, мне так хочется пить.

Мама *(достает бутылку)*. Вот, попей!

Аля. Мама, а почему у меня тут все перебинтовано?

Мама. Тебе врач сделал операцию – вырезал аппендицит.

Аля. А что такое аппендицит?

Мама. Ну, помнишь, тебе очень нравилось пить пепси-колу, хотя она вредная?

Аля. Ой, из меня что, вылилось двадцать литров пепси-колы?

Мама. Ну, почти.

Аля. Мама, я тогда больше никогда не буду ее пить.

Мама. Молодец, все правильно. Но иногда все равно немножко можно. Но только немножко.

Аля. А перышко? Он не вытащил перышко?

Мама. Какое перышко?

Аля. Я тебе не стала тогда говорить. Когда меня дома оставили одну, я играла с перышком из подушки. Я дула на него, чтобы оно подлетало вверх. Мне хотелось стать перышком, понимаешь?

Мама. И что дальше?

Аля. И вот потом я... его случайно проглотила. Оно само ко мне залетело. Я кашляла и пыталась его вытащить, но не смогла. Подавилась и думала, что умру. И тогда я его запила водой и проглотила. Это из-за этого у меня теперь аппендикулит?

Мама. Аппендицит, глупенькая! Радикулит – это другое.

Аля. А я думала, у меня как у бабушки – уже радикулит.

Мама. Нет, у тебя радикулита еще лет сто не будет! А про перышко... даже не знаю, не слышала, но я потом спрошу у врача – может быть, он его вытащил.

Аля. Мама, а бабушка всегда была такая?

Мама. Какая?

Аля. Злая.

Мама (*вздыхает*). Наверное, да. Сколько я себя помню – всегда.

Аля. Пока тебя не было, она ругала нас всех за скатерть. Кто-то порезал скатерть в гостиной – она кричала, что если мы не признаемся, кто это сделал, то убьет нас. Никто так не признался. А потом у меня заболел живот.

Мама. Дело не в скатерти, понимаешь...

Аля. Ей никто не нравится – ни ты, ни я, ни папа, даже дедушка иногда не нравится. Почему?

Мама. Это сложно объяснить, но бабушка очень обижена на мир. Ты права – она не видит в нем ничего хорошего.

Аля. Но почему?

Мама. Ты умеешь хранить секреты?

Аля. Конечно!

Мама. Дело в том, что у нашей бабушки есть еще две сестры. Она с ними уже много лет не разговаривает.

Аля. Но она не рассказывала...

Мама. Конечно, не рассказывала. Она

и нам запрещает с ними общаться.

Так вот, когда твоя прабабушка умерла – она оставила в наследство трем сестрам свой дом. У твоей бабушки уже был дедушка, и они жили в другом городе, поэтому она оставила бабушке не самую большую часть, а все остальное завещала ее сестрам, которые и жили в этом доме. Бабушка очень обиделась и после этого перестала с ними общаться.

Аля. Но зачем ей этот дом, если у нее уже есть дедушкин? И наша квартира, а еще дача...

Мама. А вот это, Аля, парадокс многих взрослых. Им всегда мало. Кажется, что у тебя должно быть всего много. Вот тогда ты будешь что-то значить. Бабушка перестала видеть в людях хорошее и не хочет это менять. Ей удобно думать, что мы плохие, понимаешь?

Аля. Нет.

Мама. Однажды, когда ты вырастешь, то поймешь, что самое страшное в жизни – никого не любить. У каждого человека разная любовь... Ты можешь любить все что угодно – людей, деревья, солнце, собак, даже маленького муравья! Но запомни – без любви твоя жизнь и жизнь тех, кто тебя окружает, будет такой же, как жизнь нашей бабушки. Она сама ее сделала такой.

Аля. Как это сама?

Мама. Просто потому, что она так захотела.

Аля. Мама, ты знаешь, я подумала, что не хочу, чтобы то перышко из меня вытаскивали, потому что я хочу быть птичкой там, не знаю, муравьем. А человеком не хочу.

Мама (*смеется*). Хочешь, почитаю тебе твою любимую книжку?

Аля. Это про Пеппи Длинныйчулок?

Мама. Да! (*Усаживается*.) «На окраине одного маленького шведского городка вы увидите очень запущенный сад. А в саду стоит почерневший от времени ветхий дом. В этом-то доме и живет Пеппи Длинныйчулок. Ей

исполнилось девять лет, но, представьте себе, живет она там совсем одна. У нее нет ни мамы, ни папы – и никто не гонит ее спать как в раз в самый разгар игры...»

Аля. Мама, а где папа?

Мама (*отворачивается*). У тебя больше нет папы.

Аля. Как это нет? Он есть!

Мама. Есть, но только он не твой папа.

Аля. А чей же еще?

Мама. Ничей. У тебя просто нет папы, понимаешь?

Аля. Нет.

Мама. Поймешь, когда вырастешь. У тебя есть бабушка, дедушка, а папы нет.

Аля. Но...

Мама. Забудь. (*Уходит, открывает дневник. Читает слова Али.*) «Но я не забывала никогда, ни на одну минуту. Он жил рядом, но мне было строго-на-строго запрещено с ним разговаривать».

АЛЯ поднимается.

Бабушка (*из-за сцены*). Не смей! Даже не думай!

Аля. А я и не думала, но все равно смотрела на соседний дом, когда пробегала рядом. А вдруг, вдруг я увижу папу. Один раз я встретила его у подъезда с другими дядями. Мы гуляли куда-то с подружкой Верой, а они смеялись и о чем-то говорили. И вдруг он меня позвал.

Появляется ПАПА.

Папа. Аля, подойди сюда!

Аля. Я очень боялась, потому что знала, как мне влетит, если кто-то меня с ним увидит, но храбро вышла вперед.

Папа. Это тебе! (*Дает шоколадку.*) Ну, бери-бери. Чего ты смущаешься?

Аля. Он протянул мне шоколадку. Очень вкусную. Такие я ела только на день рождения и на Новый год. Я не знала, что говорить, поэтому схватила ее и убежала. Потом пришла с ней домой и решила спрятать, чтобы

никто не увидел, а вечером под звуки бабушкиной передачи тихонько съест. Но меня все раскусили.

Появляется БАБУШНА.

Бабушка. Что у тебя там за спиной? Что?

Аля. Я не смогла сдерживаться, тем более меня распирало от гордости, что мой папа мне дал шоколадку, не какой-то там дядя, а папа, мой папа, настоящий папа, а значит, он хороший! Хороший!

Бабушка. Кто ее тебе дал? Кто?

Аля. Папа.

Бабушка. Ха! Нашла чем гордиться! Думаешь, ты ему нужна? Нет, он просто прикидывается добреньким перед твоей мамой, ты ему вообще не нужна. Ему плевать на тебя! А шоколадкой надо со всеми поделиться, ты что – жадина?

Аля. Но мне почему-то не хотелось с ними делиться папиной шоколадкой. Я ушла в другую комнату, плакала и ела шоколадку, которая почему-то стала горькой. (*Садится на пол у кровати.*) Как-то раз мама приехала и сказала мне...

Мама. Аля, ты уже взрослая девочка. Ты должна знать – твой папа умер.

Аля. Как умер?

Мама. Люди иногда умирают.

Аля. Это был последний раз, когда я видела папу. (*Уходит обратно в шкаф, закрывается, свет гаснет, освещена только мама.*)

МАМА читает слова АЛИ вслух.

Мама. «Дорогой дневник, сегодня последний день зимы. Эта неделя здесь меня окончательно добила, но все равно тут лучше, чем дома. Перед тем запихнуть меня сюда, мама сказала, что я асоциальна. И вообще я – просто гадина. Я должна всех слушаться. Я не имею права возражать. Учиться там, где мне нравится. Давать сдачи, когда меня бьют. Я не имею права уехать из дома. Мне говорят: “Заткнись! Закрой рот”.

Мне говорят: “Тебе нужен жесткий контроль”. Меня никогда никто не слушает. Когда мне плохо, никто мне не верит. Я не могу с ними больше жить. Потому что я не имею права даже жить. Я микроб. Я существую только формально. Я приношу только одни неприятности. У меня есть право только на то, чтобы стоять и слушать, как на меня орут. Всю жизнь. Всю мою короткую никчемную жизнь. Что со мной не так? За что вы меня так ненавидите? За то, что я похожа на папу? Потому что...»
(Мама замолкает.)

АЛЯ выходит из шкафа. Подходит, стоит рядом.

Аля. Мама, ты чего?

Мама. Ничего, я просто...

Аля. Ну, давай. Говори мне, что я все придумала, что я вру, что я сочиняю, что ничего этого не было! Что надо все терпеть и делать вид, всю жизнь делать вид! Тебя унижали? Значит, ты этого заслуживаешь!

Мама. Нет, я не буду этого говорить. Я виновата перед тобой.

АЛЯ садится на край кровати. Молчит.

Я никогда не говорила того, что обычно говорят мамы...

Аля. Знаешь, какое мое первое воспоминание, после того как ты забрала меня от бабушки? Я пошла ловить в поле майских жуков с ребятами, мы заигрались, я забыла, что надо домой, забыла, что ушла далеко. И вдруг я увидела тебя. Ты бежала по полю и на виду у всех схватила меня за ухо. Ты тащила меня домой, а я плакала. А дома ты... У меня шла кровь из носа. И я стояла над раковиной, а ты вдавливала меня, держала за волосы, пыталась смыть кровь, а потом снова... И я захлебывалась.

Мама. Я испугалась, что ты сбежала. Пожалуйста, прости меня, я была глупая, очень глупая, ты же сама понимаешь.

Аля. Знаешь, что я поняла? Я никогда не буду ни такой, как ты, ни такой, как бабушка. Я уже – не такая.

Мама. Ты что думаешь, я не переживала? Думаешь, я не осознавала свою вину? Ну вот почему ты всегда помнишь только плохое? Я покупала тебе сладости, игрушки, ты помнишь, сколько у тебя было красивой одежды?

Аля. Да, привозила это все к бабушке и уезжала.

Мама. Да, я понимаю, что бросала тебя, но мне нужно было работать, чтобы накопить денег на наш с тобой собственный дом. Чтобы уехать.

Аля. А мне тогда нужна была хоть какая-то семья. У меня не было ни мамы, ни папы. Была только бабушка, которая... ты ведь и сама не хотела с ней общаться?

Мама. Давай не будем об этом говорить. Я очень многого не понимала раньше, я знаю, что время уже упущено, но сейчас... *(Протягивает руку, гладит Алю по руке.)* Я приехала все исправить.

Аля. Что исправить?

Мама. Мы с тобой когда-то мечтали, что будем жить в своем собственном доме?

Аля. Да.

Мама. Ну так вот, эта мечта совсем скоро может сбыться. Помнишь дядю Диму, с которым я тебя знакомила? Мы... расписались, мы теперь будем жить все вместе, как одна большая семья.

Аля. Вы... поженились? *(Тихо.)* Но я думала – мы будем жить вдвоем.

Мама. Но ведь гораздо лучше, когда у тебя есть не только мама, но и папа?

Аля. Но он мне не папа.

Мама. Пока не папа, но, может быть, вы подружитесь и ты станешь звать его папой. Так вот, у дяди Димы есть большой дом в другом городе, мы все переедем туда и начнем жить как настоящая семья! У него есть камин и огромный телевизор во всю стену! По вечерам мы будем смотреть фильмы все вместе, а я вам готовить вкусную еду.

Аля. Поэтому ты приехала за мной?

Мама. Да, и еще – у меня есть к тебе одна маленькая просьба, но потом, когда ты соберешь вещи.

Аля. У меня почти все собрано. *(Закрывает чемодан, вздыхает.)* Ладно, дядя Дима, он же нормальный?

Мама. Конечно, нормальный.

Аля. И он не против меня?

Мама. Конечно, не против. Сделай для меня одолжение, зови его папой. Хотя бы иногда.

В палату входят НСЮХА-ГОТ,
НАЛЯНИНА, ГАРРИ ПОТТЕР.

Нсюха-гот. Мы не нашли...

Застывают, смотрят на АЛЮ и ее
МАМУ.

Аля. Все в порядке, я уезжаю.

Гарри Поттер. Как? Все-таки уезжаешь?

Аля. Да, все хорошо.

Мама. А вы, я смотрю, подружились. Аля, тогда прощайся – и пойдём. *(Встает, выходит.)*

Аля. Все хорошо! Представляете, мы переезжаем!

Нсюха-гот. Уф-ф! А мы все думали, что придумать, куда ты делась!

Гарри Поттер. И тебя не отвезут к бабушке?

Аля. Нет! Мама нашла нам новый дом!

Нсюха-гот. Ну все, давай мы тебя обнимем! Обещаем, что будем и дальше бороться с медсестрой.

Гарри Поттер. И никогда не забудем твоих историй.

Аля. Калякина, иди к нам!

Все вчетвером обнимаются.

Нсюха-гот. Мой номер у тебя есть, помнишь, в дневнике оставила? Если что, пиши мне!

Мама *(из-за сцены)*. Аля, ты идешь?

Аля. Иду! *(Ныряет в дверь с чемоданом, свет на сцене гаснет.)*

Выходят АЛЯ и МАМА.

Мама. Помнишь, я тебе сказала, что хочу попросить тебя об одном одолжении?

Аля. Если это насчет комнаты, то кланусь, у меня теперь всегда будет чисто. Еще я могу хоть каждый день выносить мусор и убирать за своим хомяком почаще, и...

Мама *(останавливается)*. Нет, это не про комнату. Понимаешь, бабушке нужна помощь.

Аля. В смысле?

Мама. Она... ну, мы не хотели тебе говорить, но неделю назад она неудачно упала на улице, было скользко, и она сломала бедро, в общем ногу.

Аля. С ней все в порядке?

Мама. В остальном – да, она лежит сейчас дома, практически не двигается. Но за ней нужен уход, нужно, чтобы кто-то был рядом с ней постоянно месяц или два. Твоя тетя пока не может, ты же знаешь, она в другой стране.

Аля. Ты хочешь сказать, что нам с тобой придется с ней сидеть?

Мама. Нет. Я хочу попросить тебя, чтобы ты ненадолго посидела... ну, пожила с бабушкой.

Аля. Я? Но почему я? Почему мы не можем вместе? Я не...

Мама. Я не могу. Мы... с дядей Димой ждем малыша. Мне нужно ехать к нему.

Аля. Кого ждете?

Мама. У нас будет ребенок.

Аля. Поздравляю.

Мама. Поэтому я не могу, ты же взрослая девочка, ты же уже все понимаешь? Аля, ну пожалей бабушку, пожалей меня, пожалей всех. Это буквально на два-три месяца.

Аля *(в сторону)*. А меня кто пожалеет?

Мама. Ты что-то сказала? *(Уходит.)*

Аля. Ничего. *(Берет чемодан. Смотрит в зал.)*

Занавес.

Москва, 2020 год